

АРОН ШНЕЕР, ПАВЕЛ ПОЛЯН
ГОЛОСА ЖЕРТВ
(ОБ ЭТОЙ КНИГЕ)

1. ИМПЕРАТИВ ПОЛНОЙ ПРАВДЫ

Плен — неотъемлемая часть любой войны. Плен — это трагедия человека, лишённого свободы, подвергаемого унижению. Однако трагедия советских военнопленных во Второй мировой войне не имеет аналогов в военной истории. По отношению к ним нацистская Германия проводила геноцид.

Это книга незатухающей боли и Памяти. Настоящими авторами этой книги являются те, кто победил смерть в нацистском плену, а затем пережил унижения и дискриминацию в советских лагерях, кто вынужден был молчать долгие десятилетия, так как государство, солдатами которого они были, не нуждалось в их шокирующе неудобной для советской системы правде.

И вот — бывшие пленные рассказывают о себе, о своих товарищах и своих спасителях, о предателях и об убийцах. Рассказывают о том, как это было на самом деле. Их голоса и их судьбы, явленные в воспоминаниях, письмах и интервью, собранных в этой книге, приблизят нас к пониманию и их личной трагедии, и трагедии всей войны, того горя и тех испытаний, через которые им пришлось пройти.

Среди миллионов советских красноармейцев, попавших в плен, были и десятки тысяч евреев. Их судьба была еще более жестокой и горькой, чем судьба их товарищей по плену.

Печать еврейства на их лицах была их смертным приговором. Спасение виделось им только в победе, но в действительности лишь немногие евреи, совершившие побег из лагеря, могли надеяться на спасение. Источники красноречиво свидетельствуют о самом активном сотрудничестве местного населения с новой властью. В документах сообщается, что «...крестьяне доносят старостам и немецкой комендатуре о появлении незнакомого человека на дороге или в селе» (Архив Яд Вашем. М-37/569. Л. 25). Однако если подобное поведение крестьян касалось вообще всех чужаков, появлявшихся в том или ином месте, то на евреев велась настоящая охота, повсеместная и ожесточенная.

Исай Яковлевич Подольский, скрывавшийся под именем Анатолия Тросницкого, — это имя осталось с ним на всю его жизнь, —

в письме из США рассказывает о том, что при выходе из окружения он две недели прожил в одной крестьянской семье. Он задает себе вопрос: «А если бы знали, что я еврей, помогли бы?» И сам отвечает: «Я думаю, что нет. И вот почему. Ночью, когда я лежал на печи, в хату зашел еще один окруженец, явный еврей по внешности. Парень был контужен, хватался руками за голову и нечленораздельно мычал. Я слышал, как хозяин сказал жене: „Той на пичи наш хлопец, а цей жид. Накорми его и пусть идет с богом“. И парня выпроводили на верную гибель. Моя нетипичная внешность помогла мне» (Архив Яд Вашем. Отдел Праведников мира. Д. 8917).

Местные полицаи и жители сел и городов вылавливали, предавали и передавали немцам, а нередко и сами убивали евреев-окруженцев или бежавших из плена евреев-солдат. Но, конечно, были и местные жители, которые, рискуя собственной жизнью, евреям помогали.

Отношение к евреям стало пробным камнем на человечность и порядочность. Причем эти категории по-разному понимались даже в одной семье.

Яков Полищук рассказывает, как всю зиму 1941 г. в селе Зазымнем укрывала его простая украинская женщина баба Акулина: «Я помогал ей по хозяйству. Сын ее Прокоп в селе был полицаем. Он частенько навевался к матери: „Жидочка ховаешь, прийде и на него час“. И однажды она сказала мне: „Тоби треба уходиты, вин знае, кто ты“» (Шнеер II: 243–244).

Замечательный русский поэт Семен Липкин, во время войны военный корреспондент, не был в плену, но в окружении был. На войне он — с первых ее дней: Кронштадт, Ленинград, Дон¹. На Дону и попал в окружение. Группку из 8–10 человек выводил Липкин: выбирались, проходя по казачьим станицам. Плен миновал поэта, но смертный еврейский страх — нет:

«Было страшно, мне особенно. Я сделал себе удостоверение с армянской фамилией Шахдинарьянц. Это был мой школьный учитель химии, с такой фамилией. Вошли в станицу, зашли в хату... Хозяин хаты говорит мне: „Сдається мэни, шо вы з жидив“. — „Нет, я армянин“. — „Вот прийде жинка, вона скажэ“. Пришла хозяйка. И пока она смотрела на меня, двумя руками приподнимая свои груди, у меня внутри все дрожало. И она сказала: „Вирменин!“...» (семейный архив С.И. Липкина; см.: Нерлер 2003: 32).

Однако находились и те, кто, рискуя собственной жизнью, помогал бежавшим евреям-военнопленным.

В спасении Семена Сотникова, попавшего в плен в 1941 г. и бежавшего из Симферопольского лагеря, приняли участие несколько семей: Малышко, Рублевых, Руденко и их дети. Его скрывали в погребке, а затем в течение двух лет в деревне Кактагай неподалеку от Симферополя (Карточка спасенного. 2 января 2002 г. Предоставлена в отдел Праведников мира Благотворительным еврейским центром «Хесед Шимон»).

За оказание помощи военнопленным немецкие власти расправлялись с населением. Так, в местной газете г. Проскурова «Украинский голос» 25 октября 1942 г. было опубликовано сообщение: «21 октября 1942 г. перед немецким судом в Проскурове за поддержку бежавшего военнопленного были осуждены украинки: 1. Надя Галас, рождения 1907 г. — к смерти; 2. Вера Соловей, рождения 1909 г. — к смерти; 3. Мотя Заяц, рождения 1912 г. — к 5 годам тяжелой тюрьмы. Все три жительницы села Печески, Проскуровского района. Вышеупомянутые лица дали убежавшему военнопленному приют на ночь, накормили его и снабдили документами и одеждой, не сообщив об этом никому. Приговор приведен в исполнение 22 октября 1942 г. Знайте, что поддержка неизвестных лиц тяжело преследуется» (Архив Яд Вашем. М-37/1200. Л. 20–21).

Почему же, несмотря на угрозы смерти, находились люди, помогавшие бежавшим военнопленным?

Причины и мотивы помощи военнопленным вообще и евреям-военнопленным в частности на оккупированной территории были различными.

У многих, оказывавших помощь военнопленным, сыновья, мужья, родственники служили в Красной Армии. Ведь и они могли оказаться в подобном положении — бежать из плена, скрываться, и спасители верили, что и их близким кто-то так же поможет.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и идеологические мотивы: патриотизм, ненависть к оккупантам, участие в движении сопротивления. Однако чаще не идеология, а человеческое сострадание, неподвластные никакому научному анализу доброта и порядочность руководили спасателями.

Помощь оказывалась как совершенно чужими людьми, так и близкими, знакомыми, если скрывавшиеся приходили в родные места. Нередко приют беглецам оказывали женщины, оставшиеся без мужей, ушедших на фронт. Таких приймаков в селах так и называли «зятя», «зятки». Неоднократно спасала евреев-военно-

пленных и всепобеждающая сила любви, не знающая национальных предрассудков. Любви таких, как Тамара Баранцева, Неонила Чистюхина и других, чьих имен и фамилий мы, к сожалению, никогда не узнаем.

Тех, кто спасал, было много, — но в сотни раз больше было тех, кто если и не убивал сам, то предавал, обрекая на смерть.

Лишь незначительному числу евреев-военнопленных после побега удалось либо найти убежище, либо добраться до партизанских отрядов, либо, перейдя линию фронта, после трудных проверок вернуться в армию.

После окончания войны судьбы многих бывших советских военнопленных сложились трагически. Освобожденных из плена — даже тех, кто сохранил в плену честь и достоинство, кто не изменил присяге, — вместо торжественной встречи, наград и компенсации за физический и моральный ущерб, как это было во многих западных странах, ожидали лагеря, недоверие и клеймо предателя на многие годы.

И о том, как сложилась их жизнь после освобождения, читатель узнает из их рассказов в этой книге.

Даже когда бывшие военнопленные в 1956 г. после XX съезда КПСС получили возможность публиковать свои воспоминания, они не могли сказать всей правды. Цензура строго следила за тем, чтобы авторы воспоминаний следовали законам советской идеологии и писали лишь о героическом поведении и сопротивлении советских военнопленных в плену.

Для воспоминаний, да и для всей художественной литературы советского периода, рассказывающей о плене, характерно, как говорил Варлам Шаламов, «обязательно изобразить „устоявших“». По его же словам, «это тоже вид растления духовного» (цит. по: Шрейдер 1993: 216). «Все, что идет с недомолвками, в обход, в обман — приносило, приносит и принесет только вред», — писал Варлам Шаламов в письме Александру Солженицыну в ноябре 1962 г. (Там же, 205).

В работе над книгой мы руководствовались этими словами.

2. Источники к теме

Научная и мемуарная литература, специально посвященная отношению Рейха к взятым вермахтом в плен военнопленным-ев-

реям — гражданам различных стран из антигитлеровской коалиции не слишком обширна.

Применительно к советским военнопленным-евреям основополагающей, бесспорно, является статья Шмуэля Краковского «Судьба еврейских военнопленных советской и польской армий», опиравшаяся, помимо литературных, также и на архивные источники, главным образом, американские, польские и немецкие (материалы процессов над нацистскими преступниками) (Krakowski 1992).

Большинство крупнейших американских исследователей Холокоста или продефилировали мимо этой темы, или, как Рауль Хильберг, уделили ей непропорционально малое внимание, ограничиваясь несколькими случайно подобранными фактами и необычайно общими рассуждениями (см., например: Hilberg 1999: 352–357; это какая-нибудь четверть процента от объема его капитального труда!).

Весьма скромную роль играла эта проблематика и в исследованиях немецких историков. В основном они соприкасались с ней, рассматривая предысторию и историю таких важнейших предвоенных приказов Гитлера, как приказ «Барбаросса» от 13 мая и «Приказ о комиссарах» от 16 июня 1941 г.

Точно так же на периферии исследовательского интереса оказалась эта тема и в СССР. Даже в «Черной книге», составленной В. Гроссманом и И. Эренбургом еще в годы войны, но впервые вышедшей на русском языке только в 1980 г. (Черная книга 1980: 437–442), трагедия евреев-военнопленных представлена фактически всего лишь двумя очерками — свидетельствами М. Шейнмана и В. Резниченко (Резниченко 1993; Шейнман 1993). Несколько беглых или косвенных свидетельств как бы наудачу появлялись в 1950–1970-х гг. (Голубков 1958; Голубков 1963; Бондарец 1960; Воронин 1970; Барвинок, Евселенский, Пустовойт 1979 и др.). Часть этих материалов была собрана воедино и републикована в сборнике «Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944)», выпущенном в Иерусалиме в 1991 г. (Уничтожение евреев 1991).

В то же время весьма любопытно и, разумеется, не случайно, что в книге И.А. Дугаса и Ф.Я. Черона «Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным», написанной представителями «второй эмиграции» и выпущенной в Париже в 1994 г., проблематика военнопленных-евреев начисто проигнорирована (Дугас, Черон 1994: 118–121).

Ценнейший материал, буквально по крупицам собранный в Центральном архиве Министерства обороны РФ в Подольске (ЦАМО), содержит сборник «Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии», выпущенный Ф.Д. Свердловым в серии «Российская библиотека Холокоста» (Свердлов 1996). Скупые строки политдонесений из войск, выдержки из показаний местных жителей и допросов немецких военнопленных, акты смешанных военно-гражданских комиссий отложились, в частности, в документации политотделов Красной Армии. Они содержат множество свидетельств о еврейском геноциде на территории СССР, в том числе и самые ранние, созданные еще до формирования в 1943 г. Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК).

Отдельные мемуарные свидетельства (в частности, выдержки из воспоминаний С.И. Анваер и др.) были опубликованы в первом издании монографии П.М. Поляна «Жертвы двух диктатур» (1996). Однако сама проблематика, связанная с советскими военнопленными-евреями, была затронута в ней лишь мимоходом. Во втором издании монографии (2002) этому посвящена уже отдельная глава, озаглавленная «Карательная политика Рейха на Востоке: военнополовой Холокост» (Полян 1996; Полян 2002: 83–91). К сожалению, непропорционально малой и вторичной оказалась главка «Еврейвоеннопленные» и в фундаментальной монографии И. Альтмана «Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945» (Альтман 2002).

Зато в 2000-х гг. воспоминания и другие эго-документы уцелевших военнопленных-евреев или их нееврейских товарищей стали появляться гораздо чаще. Ограничимся здесь всего двумя указаниями: на книгу Бориса Соколова «В плену» (Соколов 2000) — своего рода «энциклопедию плена» и на книгу самой Софьи Анваер «Кровоточит моя память...» (Анваер 2005). Обе они восхищают одновременно аналитическим и литературным талантом авторов.

Целый ряд важнейших свидетельств был опубликован и во 2-м томе двухтомной монографии Арона Шнеера «Плен», выпущенной в Иерусалиме в 2003 г. (Шнеер I–II; во 2-е — сокращенное — издание этого труда в 2006 г. соответствующие разделы не вошли). Они восходят как к коллекциям Яд Вашема, так и к разысканиям и собранию самого автора.

Укажем также на неопубликованные воспоминания «Бороться и жить» Юрия Андреевича Силенчука (1906–1974), детальные сведения о которых и даже глубокий их филологический анализ (невероятно, но факт!) уже публиковались (Понсов 1992; Михеев 2005а; Михеев 2005б; нам об этом источнике сообщил голландский коллега К. Беркоф). В начале войны инженер-капитан Силенчук служил в Белокозоровичах в 5-м укрепрайоне, в августе был взят в плен, бежал, добрался до Киева и Днепропетровска, где, скрыв свою идентичность, устроился переводчиком к серьезному немецкому чину. Работал с ним и в Сталино, а при приближении Красной Армии подался в партизаны, а потом (в марте 1944 г.) перешел к своим, зачислившим его после поверки в штурмовой (читай: штрафной) батальон.

В настоящем издании мы опираемся на целый ряд дополнительных, ранее не учитывавшихся источников. Прежде всего это — интервью, письма и другие сообщения самих бывших советских военнопленных, как евреев, так и неевреев, с которыми нам удалось установить личный контакт. Большую помощь в установлении этих контактов оказала г-жа С. Вылканова из франкфуртского отделения Claims Conference, по нашей просьбе обратившаяся к бывшим военнопленным-евреям с предложением связаться с нами. Более 20 бывших советских военнопленных-евреев зарегистрированы при Московской ассоциации узников фашистских концлагерей. Кроме того, нами учтена и небольшая выборка из базы данных переживших Холокост (USHMM, Data Base Survivors) в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне.

Другой ценный источник — трофейная немецкая картотека на умерших советских военнопленных, в частности, на офицеров и на рядовых, хранящаяся в Центральном архиве Министерства обороны РФ в Подольске (ЦАМО) (подробнее см.: Ильенков, Мухин, Полян, 2000). Слухи о ее существовании в СССР ходили среди историков плена уже сравнительно давно. Однако долгое время они базировались исключительно на косвенной или «глухой» информации².

Один из пишущих эти строки (П. Полян) имел самое непосредственное отношение к «проверке» этих слухов и открытию этих картотек для историков (в том числе и немецких), а также к введению их данных в научный оборот. Первая успешная попытка подтверждения самого факта существования и уточнения режима использования картотек была предпринята им в середине 1990-х гг.

в рамках архивно-поисковой темы по заданию Нижнесаксонского Центра политического образования. В 1997 г., благодаря этим усилиям, а также при официальной поддержке полковника В.В. Мухина, возглавлявшего в то время Историко-архивный и Военно-мемориальный Центр Генерального штаба Вооруженных сил РФ, удалось добиться доступа к указанным картотекам и сопутствующим материалам, в том числе и для немецких коллег Р. Келлера и Р. Отто.

Публичное введение картотек в научный оборот состоялось в 1997 г. на конференции «Трагедия военного плена в Германии и СССР, 1941–1956» в Дрездене, где с докладами об этом выступили В.В. Мухин и П.М. Полян. Со временем увидели свет и две параллельные публикации, содержавшие научное описание и оценки объема обеих трофейных картотек (Keller, Otto 1998; Ильенков, Мухин, Полян 2000).

В середине 1990-х гг. П.М. Полян сформулировал и высказал саму идею объединения усилий немецких и российских историков, с одной стороны, и финансовых ресурсов заинтересованных организаций различных немецких земель — с другой, для осуществления совместного проекта по научному освоению картотеки. И такой пилотный совместный проект, поддержанный Немецко-российской исторической комиссией, действительно был запущен в 1999 г.: он называется «Советские военнопленные в немецких руках (офицеры): 1941–1945» и посвящен офицерской картотеке ЦАМО³.

Ранее полагали, что среди 550–600 тыс. персоналий карточек на военнопленных-евреев быть не могло и, стало быть, не было (Марьяновский, Соболев 1997: 29). Но, по мере сканирования и обработки карточек в рамках названного проекта, обнаружилось, что в картотеке встречаются и евреи — прежде всего те, кто с самого начала заявил свою подлинную национальность или же те, кого немцы разоблачили. Серьезным подспорьем в нашей работе оказались выборки о евреях-военнопленных из офицерской картотеки ЦАМО, предоставленные нам в течение 2003 г. Р. Келлером и К.-Д. Мюллером (сначала частичная, на 35 чел., а потом и полная — примерно на 360 чел.)⁴.

Что касается финского плена, то немало ценного содержат немногочисленные воспоминания советских военнопленных — как еврейских, так и других (Дьяков 1991; Янтовский 1995; Головин 2003)⁵.

НАУМ АБРАМОВИЧ ФИШМАН ВОСПОМИНАНИЯ*

Наум Абрамович Фишман родился 27 июня 1923 г. в Симферополе. Отец, Абрам Наумович Фишман, красногвардеец и партизан Гражданской войны, персональный пенсионер союзного значения, работал на обувной фабрике им. Ильича, а мать, София Лазаревна, работала в типографии газеты «Красный Крым».

В июне 1941 г. окончил среднюю школу. Добровольно записался в Ленинградское артиллерийское училище, закончил его в феврале 1942 г. в г. Ижевске, получил звание воентехника II ранга. Был направлен в распоряжение Северо-Кавказского военного округа, откуда выехал на фронт в составе 21-й мотострелковой бригады. При выходе из окружения попал в плен. В апреле 1945 г. был освобожден американскими войсками. Прошел проверку в ряде фильтрационных лагерей. В ноябре 1945 г. был демобилизован Киевским военным округом. Вернулся в Симферополь и узнал, что родители, младший брат и сестра были расстреляны фашистами в 1941 г.

В январе 1947 г. переехал в г. Минск, БССР, где в это время служил в армии его брат Лазарь. Работал в строительных организациях на восстановлении Минска. В 1957 г. окончил вечернее отделение факультета промышленного и гражданского строительства Белорусского политехнического института. Продолжал работать в строительных организациях, а затем в проектно-институте Белгоспроект.

В 1994 г. переехал на постоянное место жительства в США.

Со своей будущей женой познакомился, будучи в плену в Германии. Отец двоих детей и дед троих внуков.

Наталья Фишман

I

18 июня 1941 г. на торжественном вечере в школе я получил аттестат об окончании средней школы города Симферополя. Мы, ученики 10-го класса, договорились отпраздновать это событие дома у нашей соученицы Вали в субботу, 21 июня. Ее отец, полковник, находился на границе в Бресте в инспекторской командировке, а мама — на дежурстве на спецузле связи. Наш прощальный вечер проходил с грустью и весельем и затянулся на всю ночь. Неожиданно зазвонил телефон. Звонила Валина мама. Взволнованным, тревожным голосом она сообщила: «Немцы бомбят Севастополь, включите радио». Было 4 ч. 15 минут утра 22 июня. Из «тарелки» (репродуктора) неслись воздушная тревога и «проверьте светомаскировку».

Это было начало войны, определившей судьбу каждого из нас.

* Воспоминания Н.А. Фишмана получены по электронной почте. Сердечная благодарность его дочери, Н.Н. Фишман, за помощь в подготовке этой публикации. — *Сост.*

До совершеннолетия моего оставалось немногим более месяца.

Через три дня я со своим товарищем, Володей, пришли в военкомат с намерением пойти в армию, не ожидая призыва. В военкомате огромная масса людей, вызванных по повесткам, и сопровождающих их родственников заполнила двор, улицу, коридоры и ждала распределения. Нам сказали: ждите повестки о призыве. Но в конце дня нам все же удалось поговорить с военкомом, и, учитывая, что оба мы были на пороге положенных 18 лет, а также то, что оба окончили школу на отлично, военком распорядился направить нас на учебу в военное училище.

2

30 июня мы прибыли в Ленинград, в Артиллерийское техническое училище. Ускоренный курс мы окончили в начале февраля 1942 г. в Ижевске, куда в конце августа 1941 г., в последние дни перед полной блокадой Ленинграда, училище было эвакуировано. Мне было присвоено звание воентехника II ранга, после чего я был направлен в распоряжение Северо-Кавказского военного округа, в сформированный 619-й стрелковый полк на должность начальника боепитания полка. Через полтора месяца я был отозван и направлен в г. Майкоп, где заканчивалось формирование 21-й мотострелковой бригады 14-го танкового корпуса — на должность начальника боепитания артиллерийского дивизиона этой бригады.

Печальные события весны 1942 г., приведшие к тяжелому поражению войск Юго-Западного фронта, осуществлявших совместно с войсками других фронтов наступление на Харьковском направлении, и последовавшее за этим летнее наступление немцев ускорили отправку на фронт подразделений сформированного 14-го танкового корпуса, который вступил в тяжелые бои с немецкими войсками, наступавшими по направлению на Сталинград. Наши войска отступали, попадали в окружение и несли большие потери. Я помню хаос, страшную неразбериху на дорогах войны. Навстречу войскам, двигавшимся к фронту, к местам боев, шел огромный поток отступавших под натиском врага частей. Дороги были забиты отступающими войсками, угонявшимся скотом, беженцами, разбитой и сгоревшей техникой. Над всей этой двигавшейся навстречу друг другу массой войск висела немецкая авиа-

ция, непрерывно бомбившая и расстреливающая из пулеметов все, что двигалось по дорогам.

3

...Большое количество танков нашего корпуса скопилось в роще у подножия холма. Из-за отсутствия топлива они остановились и вели стрельбу с места, сделавшись легкой мишенью для немецкой авиации. Та же участь постигла и автомобили-тягачи нашего артдивизиона, оставшегося без топлива. Цистерны с горючим застряли где-то на тыловых железнодорожных станциях, которые также подвергались бомбежкам.

Вдоль дорог горели машины, лежали убитые, погибший скот. У бригады не было тыла, она оказалась в плотном кольце окружения, без топлива и без боеприпасов. Командир дивизиона приказал вывести из строя орудия и группами выходить из окружения в направлении переправы через реку Дон в районе Богучар.

Я выходил из окружения с командиром огневого взвода Сергеем Ивановым. Днем мы скрывались в поле, во ржи, а ночью двигались в сторону Дона, пересекая дороги. На одном из перекрестков дорог еще во время движения к фронту дивизион попал под бомбежку, и я был контужен и легко ранен. Жаркие дни под палящим солнцем во ржи без воды и пищи лишили нас с Сергеем последних сил. Кружилась голова, и я шел, еле переставляя ноги. Немцы освещали дороги и местность вдоль них ракетами.

На третий день утром мы вышли к деревне. Было тихо, немцев видно не было. Мы зашли в крайнюю хату. В хате оказалась женщина и трое детей. Мы попросили воды и еды. Женщина сказала: «Посидите, я схожу в погреб за молоком».

Через несколько минут она вернулась... с двумя автоматчиками. Немцы отвели нас в ближайший сборный лагерь военнопленных и гражданских лиц. Это был огороженный колючей проволокой участок земли, куда конвоировали всех, кого задержали армейские части. Здесь не давали никакой пищи, не оказывали никакой помощи раненым. Немцы составляли команды отдельно из командиров, отдельно из солдат и младших командиров и отдельно из гражданских лиц и, под конвоем, отправляли в пересыльные лагеря.

Через сутки и нас в команде командиров отправили в пересыльный лагерь в поселке Мешково. Этот лагерь также представлял

огороженный колючей проволокой участок земли, на котором вповалку сидели и лежали военнопленные. За двое суток один раз нам выдали сырую брюкву. Военнопленные медицинские работники пытались оказывать раненым помощь, используя для перевязки имевшиеся у самих раненых средства — бинты, белье, которое рвали на бинты. Никаких перевязочных средств немцы не давали.

Из этого лагеря нашу команду командиров отправили в Кантемировку. Переход пешком в этот лагерь был очень тяжелым. Шли, еле переставляя ноги под палящим солнцем, мучила жажда. Охрана подгоняла прикладами. Упавших оставляли на дороге, а охранники, шедшие в конце колонны, пристреливали упавших и отстающих. За время пути колонна значительно поредела. Пожилые, раненые и совсем ослабевшие так и остались лежать вдоль дороги.

4

В Кантемировке находился большой пересыльный лагерь, в котором охранную и административную службу несло не армейское подразделение, а специальное подразделение СД. Лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки и частично каменной стеной. Он был расположен, видимо, на бывшем ранее колхозном хозяйственном дворе с постройками и прилегающим колхозным полем. Огромное количество военнопленных лежали и сидели на земле, огороженные лишь забором из колючей проволоки.

Потом были еще подобные пересыльные лагеря — в Волчанске, в Кременчуге, во Владимир-Волынке. Но моя судьба могла решиться еще здесь, в Кантемировке. Нас, новоприбывших, сразу же построили в две шеренги и оставили молча стоять под палящим солнцем в ожидании лагерного начальства под надзором полицейских и переводчика (видимо, из бывших военнопленных 1941 г., перешедших служить к немцам). Стояли мы очень долго. За это время несколько человек упали, потеряв сознание от жары, жажды, ран и слабости. Их отнесли в сторону и уложили на землю под палящим солнцем. Появилось лагерное начальство — офицер, фельдфебель и два солдата-автоматчика. Последовала команда: «Комиссары, евреи, выйти из строя!» Несколько человек вышло. Команду повторили, но никто больше из строя не выходил. Я стоял, оцепенев, не понимая реальности происходящего. Сергей

шепнул мне: «Стой». Офицер и сопровождающий его фельдфебель медленно шли вдоль строя, останавливаясь, внимательно вглядываясь в глаза и лица стоящих в строю. Офицер поднимал хлыст, упирал в грудь очередного военнопленного и говорил: «Ты». Это значило: выйти из строя.

Не забыть тех секунд, когда офицер остановился напротив меня, посмотрел в глаза и пошел дальше. Смерть моя прошла мимо. Через несколько шагов он ткнул в кого-то хлыстом. Таким образом он извлек из строя человек 15–20, руководствуясь единственно своей властью и интуицией. Их построили перед строем в шеренгу и приказали поднять лежащих на земле и идти к воротам. Там всех загрузили в грузовик, который, в сопровождении охраны, выехал за ворота. Через несколько минут мы, оставшиеся в строю, услышали раздавшиеся за каменным забором автоматные очереди. Всех, кто был в грузовике, расстреляли.

Процедуру выявления евреев и комиссаров подобным образом я прошел и в Волчанске и в Кременчуге. И при каждой проверке из строя извлекали какое-то количество пленных евреев и политработников, — их уводили и расстреливали. К счастью, немцы ни разу не заставляли раздеваться, — видимо, это усложнило бы дело, так как при раздевании можно было бы опознать только евреев: а как быть с комиссарами? Они использовали более простой способ — ткнул в грудь стеком подозреваемого и собрал без хлопот группу для уничтожения.

5

В Кантемировском лагере я пробыл дней десять. Здесь я впервые прошел регистрацию, назвавшись Михаилом Васильевым. Это имя и фамилию мы придумали с Сергеем, оказавшись в первом сборном лагере. После первой проверки страх разоблачения не проходил. Я все время рисковал встретить кого-нибудь, знавшего или меня, или мою настоящую фамилию. Этот страх сопровождал меня и во всех последующих лагерях.

В Кантемировке неожиданно разошлись наши пути с Сергеем. В лагерь ежедневно прибывали новые команды военнопленных и также ежедневно формировались и отправлялись команды в другие лагеря. Сергея включили в одну из таких команд и отправили по этапу. Я так и не смог узнать о его дальнейшей судьбе.

В лагере было много истощенных и до крайности слабых людей. Пищу давали один раз в день. Это была баланда из брюквы и гнилой картошки. За малейшие провинности полицаи и охрана избивали до потери сознания. От голода, ран и побоев люди умирали ежедневно и чуть ли не ежечасно.

Лагеря в Волчанске и Кременчуге ничем не отличались от Кантемировка по части содержания военнопленных. То же проволочное заграждение, те же охранники и полицаи, изобретавшие различные издевательства, те же постоянные побои, тот же голод, те же болезни без медицинской помощи, та же «селекция» и расстрелы евреев и комиссаров при поступлении в лагерь.

А вот во Владимир-Волынске были некоторые отличия от предыдущих лагерей. Здесь действовала охрана и администрация спецподразделения СС. Старший командный состав: пленных генералов, полковников отделяли от остальных командиров и содержали в отдельном бараке. Насколько я помню, в этом лагере содержался в основном командный состав. Во всяком случае, я находился в бараке, где содержались одни командиры. В лагере была небольшая санчасть, где врачи и санитары из военнопленных оказывали некоторую медицинскую помощь нуждающимся. Когда в лагере появились тифозные больные, немцы возложили на врачей все заботы и в санчасть сами уже не заглядывали. Санитары вывозили умерших за ограду, где их ежедневно хоронили под надзором немцев.

В 20-х числах сентября 1942 г. всех военнопленных моего барака отправили в Германию. Мы прибыли в центральный лагерь в г. Фалингбостель. Здесь проводилась полная регистрация: заполнение анкеты со многими вопросами о жизни, образовании и т.д., допросы с целью выявления лиц, обладавших знаниями служебных и военных сведений, интересующих немцев. Меня допросили и поняли, что сведений такого рода вчерашний школьник не имеет.

Голодное существование продолжалось и в этом лагере: один раз в день давали баланду из гнилой капусты и брюквы и примерно 100 грамм эрзац-хлеба. Пленные рылись в мусорных баках, искали отходы от немецкой кухни. Небольшие команды выходившие из лагеря на работу, приносили в лагерь картофельные и свекольные очистки, листья и лягушек. Их варили на костре. В этом лагере я пробыл десять дней. Здесь проходили сортировка пленных, создавались рабочие команды из более молодых, потенциально пригодных для выполнения тяжелых и опасных работ. Немцы исполь-

зовали военнопленных для возмещения той рабочей силы, которой им не хватало из-за мобилизации на фронт все больших контингентов своих рабочих. Команды пленных рабов направляли на шахты, заводы, строительство дорог — повсюду, где требовалась бесплатная рабочая сила. Непригодных для работы военнопленных — пожилых, слабых, истощенных и еле державшихся на ногах — тоже объединяли в команды и отправляли из лагеря. Полиция с усмешкой говорила, что их отправляли навсегда.

Я попал в команду примерно из трехсот бывших командиров, прибывших из Владимир-Волынского. Нас направили на марганцовый рудник — шахту Хаверлавизе. При шахте был лагерь со всеми атрибутами содержания военнопленных: двойная ограда из колючей проволоки, несколько бараков и мелких строений. Охрана с собаками. Режим работы был очень тяжелый — 10 часов рабочего времени плюс пеший переход к шахте и обратно, построения, проверки — всего часов 12, с 7 утра до 7 вечера. Здесь также били, издевались, наказывали карцером за любые мелкие проступки.

В шахте грузили вагонетки с рудой, катили их к подъемнику, на поверхности катили к железнодорожной платформе, разгружали, производили погрузку на транспортеры и в вагоны. Выносили из шахты нечистоты, чистили, мыли, убирали все в шахте и шахтном дворе. Мы испытывали постоянный голод, хотя, по сравнению с пересыльными лагерями, кормили все-таки лучше: утром эрзац-кофе, эрзац-хлеб с кусочком маргарина (грамм 10) или джема. В обед баланда из брюквы, капусты, иногда немного крупы, вечером эрзац-кофе и хлеб. Всего в день давали примерно 250 грамм эрзац-хлеба. Люди окончательно слабели от тяжелого труда, голодного пайка и избиений.

В душевую я ходил всегда с последней группой и в самом конце помывки, когда охрана торопила и некогда было обращать внимание друг на друга. Иногда устраивался работать на прожарке одежды и после работы мылся в одиночестве.

В конце марта 1943 г. всю команду перевели в лагерь в Хайниген. Здесь мы работали в фирме «Тайдель» на прокладке водопровода к большому заводу в г. Ватенштадт. Часть команды работала рабочими на погрузочно-разгрузочных работах. Я работал землекопом, разгружал вагоны. Этот лагерь ничем не отличался от предыдущего — то же голодное существование, побои, тяжелая работа. Люди становились полными доходягами — истощение, бессилие, болезни медленно приводили людей к смерти. Но здесь

особенно запомнились своей жестокостью и издевательствами полицаи и надсмотрщики за работой. Однажды, стоя в траншее, я задремал и, не услышав команды, опоздал на построение к автобусу. Охранник стал избивать меня и прикладом карабина ударил в лицо. Я получил серьезную травму и потерял четыре зуба.

В конце декабря 1943 г. большую часть пленных перевели в пос. Шладен для работы на заводах «Герман Геринг Верке». В середине и особенно к концу 1944 г. лагерный режим смягчился. Из-за недостатка рабочих, которых забрали в армию, нам стали доверять более легкую работу, пытались даже ставить к станкам, на уборку в цехах, подсобную работу на складе инструмента и т.д. Да и охрана стала к этому времени другая. Забранных в армию заменили пожилые охранники.

Кроме этого, успехи Советской Армии на фронте, бомбежки германских городов союзниками отражались на поведении охраны и администрации лагеря. Стало меньше побоев, меньше издевательств. Я работал в цехе сварки цистерн, помогал рабочему-немцу на рентгеновской проверке качества электросварки, а потом работал в электроцехе на подсобных работах. Некоторое время меня, как немного знающего немецкий язык, взяли рабочим на кухню — чистить картошку, мыть котлы, полы, убирать и т.д. Я немного окреп, и меня снова вернули на завод.

В конце марта 1945 г. меня и еще двух человек неожиданно сняли с работы и повезли в город Зальцгиттер в гестапо. Не зная, в чем дело, я думал, что кто-то опознал меня и представлял, чем это для меня кончится. По ходу допроса я сообразил, что это не связано с моей национальностью. Как я потом узнал, один из военнопленных написал начальнику лагеря донос, что мы распространяли слухи о приближении войск союзников и готовимся к побегу. В гестапо оформили протоколы и вернули нас в лагерь. Гестаповцы, конечно, поняли, что бежать нам некуда и что бежать надо уже им самим. Ежедневные бомбежки городов союзниками, приближение фронта заставляли их заботиться о своей шкуре.

Через две недели, 11 апреля утром нас построили в колонну и погнали из лагеря на запад. Охраняли нас еще несколько дополнительных охранников. К вечеру мы доплелись до огромного глубокого карьера, где немцы брали глину для кирпичного завода. Нас загнали в карьер и выставили охрану по верху карьера. Наступила тревожная ночь. Мы не знали планов немцев. А что, если они не будут с нами возиться и учинят расправу прямо здесь, в карьере?

Мы, несколько человек, доверявших друг другу, выползли из карьера, связали охранника, пересекли шоссе и углубились в рощу. Утром мы услышали шум движущихся машин и танков и стали наблюдать за дорогой. Это были американцы.

Тогда мы вернулись в свой лагерь. Оказалось, что в лагерь вернулись и те, кто вслед за нами выполз из карьера. А вскоре из карьера в лагерь вернулись все остальные. Охрана, зная о приближении американцев, сбежала, покинув свои посты.

На следующий день, 14 апреля, американцы появились и в лагере. Нас вывезли в сборные лагеря в Ватенштедт, затем в Зюплинген, а оттуда уже в Магдебург. Здесь, на Эльбе, мы были переданы командованию Советской Армии.

Потом была долгая дорога домой. Несколько лагерей на территории Германии и Польши. В Ораниенбурге, под Берлином, в фильтрационном лагере № 229 — первая проверка. Затем еще две проверки на территории Польши и, наконец, Киевский военный округ, г. Овруч — окончание проверок и демобилизация 20 ноября 1945 г.

В Симферополь я вернулся 25 ноября, но никакого дома не было. Дом, в котором я жил до войны, был полностью разрушен, разграблен и сожжен немцами. Мама, отец, сестра и младший брат были расстреляны в декабре 1941-го.

Никого из родных или близких у меня не осталось. Не было ни имущества, ни денег. Только шинель на плечах, пилотка и пустой вещевой мешок за плечами. Никакой гражданской специальности. Подорванное здоровье, язва желудка, последствия контузии, почти беззубый рот. Да еще клеймо — был в плену, еврей...

Мне было 22 года, но юность была уже вся позади.

Надо было начинать жизнь сначала, с нуля...

Это второе «начало» далось мне, однако, очень тяжело. На работу устроиться долго не мог, — срабатывало клеймо «военнопленного». Более года жил из милости у бывших соседей и знакомых, пока не устроился строителем и не переехал в Минск.

Апрель 2005 г.